
Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-25-37

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В ГОРОДЕ ТЕРКИ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Ирина Хасановна Тхамокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© И.Х. Тхамокова, 2023

Аннотация. Основная цель данной работы – изучение межэтнических взаимоотношений жителей Терского города. С точки зрения властей, терские люди делились на две основных категории – русских людей и иноземцев. Они отличались друг от друга местом жительства, обычаями, образом жизни. Русские люди жили в городе, иноземцы – в слободах. Наиболее известными из них были слободы Черкасская, Окоцкая, Новокрещенская. Русские люди были христианами, а жители слобод (за исключением Новокрещенской) – мусульманами. Но у тех и у других было много общего: большинство русских людей и большинство иноземцев несли военную службу и получали царское жалованье. Во многих случаях русские люди и иноземцы совместно принимали участие в военных действиях, охраняли свой город, провожали послов в Грузию и встречали их на обратном пути. У жителей города, независимо, от их национальной принадлежности складывались общие черты в хозяйственной деятельности – развивалось рыболовство или добыча корня марены. У русских людей и иноземцев в Терском городе существовали и общие социальные структуры – они собирались на общие собрания, подписывали челобитные для того, чтобы защитить город от нападения врагов. Русские жители готовы были принимать обычай народов Кавказа, такие как баранта, чтобы защитить себя от врагов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терский город, иноземцы, новокрещены, окочане, черкесы

Для цитирования: Тхамокова И.Х. Межэтнические контакты в городе Терки в середине XVII в. // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 25–37. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-25-37

Original article

INTERETHNIC CONTACTS IN THE CITY OF TERKI IN THE MIDDLE OF THE 17th CENTURY

Irina Khasanovna Tkhamokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© I.Kh. Tkhamokova, 2024

Abstract. The main purpose of this work is to study the ethnic relations of the inhabitants of the Terek city. From the point of view of the authorities, Terek people were divided

into two main categories – Russian people and foreigners. They differed from each other in their place of residence, customs, lifestyle. Russian people lived in the city, foreigners – in settlements. The most famous of them were the settlements of Cherkasskaya, Okotskaya, Novokreschenskaya. Russian people were Christians, and the inhabitants of the settlements (except for Novokreschenskaya) were Muslims. But both had a lot in common: most Russian people and most foreigners carried military service and received the royal salary. In many cases, Russian people and foreigners jointly took part in hostilities, guarded their city, escorted ambassadors to Georgia and met them on the way back. Residents of the city, regardless of their nationality, developed common features in economic activity – fishing or extraction of madder root developed. Russian people and foreigners in the Terek city also had common social structures – they gathered for general meetings, signed petitions to protect the city from enemy attacks. The Russian inhabitants were willing to adopt customs of the peoples of the Caucasus, such as the baranta, to protect themselves from enemies.

Keywords: North Caucasus, Terek city, foreigners, newly baptized, okochane, Circassians

For citation: Tkhamokova I.H. Interethnic contacts in the city of Terki in the middle of the 17th century. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2024; 4-2 (63): 25–37. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-25-37

Жителей города Терки разделяли социальные, этнические, конфессиональные границы. Одной из наиболее важных, с точки зрения государства, считалась граница между русскими людьми и «иноземцами». В России XV–XVIII вв. «иноземцами» чаще всего называли переселенцев из стран Европы, но не только их. Этот термин мог применяться по отношению и к народам Поволжья, и к народам Сибири [Опарина 2007; Конев 2014]. В документах XVII в. народы Кавказа тоже могли называться иноземцами: «А ныне де на Терке иноземцов перед рускими людьми больше втрое» [КРО 1957: 139]. В эту категорию («иноземцев») включались народы Кавказа, а также и других земель: «Приезжие де иноземцы черкасы и кумычя и мичкизья и крымские и ногайские люди приезжают в Черкасскую слободу...» [КРО 1957: 138].

На первый взгляд, странным выглядит обозначение местных народов иноземцами, но, возможно, город, такой как Терки, воспринимался как часть русской земли, а все его гости были иноземцами. За пределами города ситуация была совершенно другой.

В 1650 г. приходили в терскую съезжую избу «всяких чинов государевы люди» и подали челобитную на Суркая шамхала, на Чебана мурзу и на их улусных людей, которые русских людей на всяких промыслах убивали, брали в плен. В то же время люди терских князей и мурз, т.е. «иноземцы», ездили по дорогам свободно, по 2–3 человека, их никто не убивал, а пропадали только одни русские люди [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2229. Л. 4]. В действительности, далеко не везде и не всегда жители Кавказа находились в полной безопасности, им тоже могли угрожать столкновения и даже убийства. Но это высказывание демонстрирует, насколько чуждыми чувствовали себя русские жители за стенами своего города. Они, скорее, самих себя ощущали на Кавказе иноземцами.

Чем отличались русские люди от иноземцев – об этом точных сведений нет, но имелись в виду, скорее всего, культурные, религиозные, языковые различия. Одним из важнейших показателей несхожести служила религия, но она была не единственным маркером культурного размежевания. Для обозначения мусульман существовало особое определение – «иноземцы бусурмане».

Русские люди и иноземцы жили в разных частях города. Русские – в самом городе, иноземцы – в слободах. Город был административным центром. Здесь жил воевода, здесь же находилась съезжая изба, куда он вызывал не только русских жителей города, но и иноземцев. Все наиболее важные вопросы решались именно здесь, в присутствии не только воевод, детей боярских, сотников стрелецких, но и кабардинских князей и мурз, окочан, новокрещен и т.д.

На посаде какое-то время располагался гостинный двор для купцов из Персии (из Кизылбаш и из Гиляни). Но во время пожара 1639 г. этот двор сгорел, и они переселились за реку в Черкасскую слободу [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645. Д. 1. Л. 28; КРО 1957: 253-254]. В Терках также находились рынки: «татарский», «тезиный» рынок (возможно, он совпадал с татарским) и русские «ряды» (рядом с гостинным двором). То есть торговые заведения были размещены в посаде.

В городе для «иноземцев» были предназначены только несколько определенных мест, например, дворы для аманатов находились в городе – видимо, для большей безопасности. В кремле была построена в 1641 г. также тюрьма (для еще большей надежности), в которой содержали аманата – сына кабардинского мурзы Алегуко, который отказался от своей присяги царю и переселился за Кубань [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 13]. В городе же в некоторых случаях размещали прибывших для принесения шерти и для важных переговоров кумыков или черкесов. В декабре 1638 г. в Терки приехали 7 кумыкских мурз для клятвы царю, и их разместили в остроге «на добрых дворах» [Русско-дагестанские... 1958: 147]. В 1640 г. там же расквартировали кабардинского мурзу Мисоста. В 1652 г. в городе устроили еще одного кабардинского мурзу – Алегуко, прибывшего в Терки для принесения шерти [КРО 1957: 309].

«Иноземцы» жили за городом в нескольких слободах. Чаще всего в источниках упоминаются три из них: Черкасская, Окоцкая и Новокрещенская или же Черкасская, Окоцкая и Татарская [Котов 1958: 33; КРО 1957: 253]. Они были отделены от города рекой Тюменкой, хотя расположение Окоцкой слободы вызывает сомнения. В 1646 г. терские воеводы писали царю о том, что «перешли з Городцкие стороны на Заречную сторону терские твои государевы служилые жалованные окоцкие люди многие и заложились за черкасских князя и за мурз» [Русско-чеченские... 1997: 146]. Это можно понять таким образом, что Окоцкая слобода находилась рядом с городом, а Черкасская – на другой стороне реки Тюменки. Желая переселиться из одной слободы в другую, окочане должны были пересечь реку. Еще одно замечание сводится к тому, что после переноса в 1669 г. города Терки на новое место, расположение слобод могло измениться.

Но, помимо уже названных, существовали, видимо, и другие слободы. Еще в 1631 г. был принят царский указ провести перепись «иноземцев» «в князь Шолоховых, и в Каншов-мурзиных и в Барук-мурзиных слободах...» [КРО 1957: 141]. Слободу князя Шолоха называли Черкасской, но и у мурз были, следовательно, отдельные слободы, хотя, видимо, и небольшие. В 1644 г. приехавший к князю Муцалу уздень Созоруко (от Ахлова-мурзы Айтекова) шел «слободою Канбулата-мурзы Черкасского», когда его застрелил уздень Канбулата [Дзамихов 2008: 590]. В 1673 г. приходили на Терский город Эндирейский владетель Чеполов и ногайские мурзы и «приступали» к Окоцкой и Хату-мурзы слободам [Русско-чеченские... 1997: 215]. Следовательно, и у Канбулата-мурзы, и у Хату-мурзы тоже были свои слободы. Точно так же и у других мурз города могли быть собственные слободы.

В Окоцкой слободе жили окочане и мичкизяне, служившие царю и получавшие жалованье. Они переселились к Теркам еще в конце XVII в. В 1614 г. их было 160 человек [Белокуров 1889: 554, 557]. После того как их мурза Батай бежал из города, командовать ими стали кабардинские князья – Сунчалей, Шолох, Муцал, Каспулат Муцалович и др. После этого часть окочан оставила военное дело и переселилась в Черкасскую слободу [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1646. Д. 1. Л. 289; Русско-чеченские... 1997: 145]. В 1663 г. только 113 окочан из бывших 160 продолжали военную службу [Веселовский 1911: 42]. Окочане не только принимали участие в боевых действиях, они часто ездили по соседним с Терками регионам для сбора материалов по народам Кавказа и соседних государств.

В отличие от окочан, общая численность новокрещенов, черкас и детей боярских (всех вместе) составляла в начале XVII в. всего 40 человек [Белокуров 1889:

350–351]. Но впоследствии Черкасская слобода быстро разрасталась. В 1630–1640 гг. она имела сложный этнический и социальный состав населения. Обычно в ней насчитывают 175 дворов [Кушева 1963: 293]. Но точное их число сложно установить, потому что в слободе находились, не только дворы, но и кибитки или несколько дворов были объединены, потому что принадлежали подвластным одного из узденей и т.д. Но все же можно выделить 36 дворов «дворовых» узденей князя Муцала, 22 двора его же «задворных» узденей, 20 дворов «задворных» черкас тоже числились за Муцалом, еще в 14 дворах жили отчасти черкесы, отчасти иранские купцы, а в 9 дворах – черкасы узденей Муцала. В этом же ауле жил окочанин Албир-мурза Костров и 6 дворов его узденей, а также 27 дворов других окочан. Здесь же находился 1 двор ногайского Би-мурзы, и 41 двор и 7 кибиток татар [КРО 1957: 192–197]. Перечисление одних только указанных дворов показывает, что слобода была достаточно большой. В ней жили черкесы, окочане, татары, ногаец и персы. Среди них были крестьяне, купцы, несколько ремесленников и уздени, которые занимались военной службой и получали царское жалованье. Численность и национальный состав других слобод точно не известны.

Новокрещенская слобода была значительно меньше. Как уже говорилось, в начале XVII в. в Терках насчитывалось немного новокрещенов, к 1663 г. их было уже 70 [Веселовский 1911: 42] – тех, кто служил, не считая членов их семей. Национальный состав новокрещенов неизвестен. Когда они принимали крещение, им меняли имена и фамилии, и откуда они происходили – это чаще всего невозможно понять. Только в тех случаях, когда крестили знатных людей, переселившихся в Москву, их происхождение можно отследить. Но в любом случае их слобода должна была значительно уступать Черкасской. Несмотря на изменение религии, новокрещены не объединились в одну группу с русскими жителями, они продолжали жить в своей особой слободе, они служили не вместе со стрельцами и казаками, а в своей особой группе новокрещен. Власти были, видимо, заинтересованы в том, чтобы новокрещены сохраняли свои языки, это помогало им в их поездках по Кавказу для сбора информации.

Особое место среди жителей Терского города занимали казаки, которых в конце XVI–XVII вв. называли «жилецкими», а в середине XVII в. – беломестными. Они жили, как можно понять из некоторых документов, в своей особой слободе, но их численность была очень мала – 9 человек в 1663 г. [Веселовский 1911: 42]. На рубеже 1670–1680 гг. эта группа прекратила свое существование.

В слободах при Терском городе жили как служившие в Терском гарнизоне люди, так и не состоявшие на военной службе. Причем, их было больше, чем служивших и получавших жалованье – в 1637 г. 680 против 350 [Русско-чеченские... 1997: 122]. Они тоже состояли под управлением кабардинских князей. Служилые люди, жившие в слободах, имели свою особую военную структуру – они были мурзами, узденями, окочанами или новокрещенами. Все они, включая новокрещен, подчинялись кабардинским князьям-мусульманам и их мурзам [Сметный список... 1989: 25].

Терские воеводы стремились ограничить численность иноземцев в слободах рядом с Терками – они вызывали у воевод опасения. Для этого, по их словам, необходимо было, прежде всего, выслать оттуда всех иноземцев, которые не имели права там находиться (например, те, кто не появился у воевод), а таких людей было много. В то же время кабардинские князья, управлявшие слободами, напротив, стремились увеличить численность их населения. В 1631 г. князь Шолох писал царю о том, что от них, кроме службы царю, никакого зла нет, и высылать их из Терского города не за что [КРО 1957: 138]. По решению царя, всех людей, которые находились в слободах самовольно, оттуда высылали. А тех, кто живет там давно, дворами, с женами, и от кого не ожидают ничего плохого, оставлять на месте [КРО 1957: 141–142]. Но численность населения слобод продолжала

увеличиваться. Туда переселялись и кумыки, и окочане, и мичкизяне, и шибутяне, и черкесы – «всяких розных земель бусурманских» люди приходили из гор, «неведомо кто» откуда ко «племени» своему и «закладывались в Терках за черкасских князей» и мурз и их узденей. Приезжали в Терки они тайно, чтобы не выдать свое присутствие. Они сохраняли связь со своей родиной: женились в «розных басурманских землях» и дочерей своих в те же земли замуж выдавали [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1647. Д. 1. Л. 60].

История взаимоотношений Терского города и пригородных слобод показывает, что в целом они были мирными, хотя исключения случались. Уже упоминавшегося князя Шолоха воеводы обвиняли в том, что его уздени крали детей в Терском городе и продавали их иноземцам [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1636. Л. 36]. Но эти обвинения не были доказаны. Вооруженных столкновений между жителями города и слобод не зафиксировано. Даже в 1641 г., когда у князя Муцала и терских воевод были конфликты, когда он самовольно взял в городе кабардинских аманатов и перевел их в слободу, все же ни одна из сторон этого противостояния не применила оружие, хотя по обе стороны реки Тюменки находились многочисленные хорошо вооруженные люди.

Расположенные рядом с Терским городом слободы играли посредническую роль в отношении России с народами Северного Кавказа. Именно благодаря тому, что жители этих слобод сохраняли тесные связи с соседними народами, они могли оказывать на них сильное влияние. Кабардинские князья, а также другие мурзы способствовали тому, чтобы народы Кавказа признали власть царя. Один из многочисленных примеров: в 1658 г. Дженгутайский владелец Ахматхан-мурза писал в Терки, что «он де руским людем не верит, а будет де приедет к нему Канбулат-мурза Черкасской да Казаналп-мурза», и с ним договорятся, то он им аманата отдаст [Русско-дагестанские...1958: 197]. Но не только князья, но и другие жители терских слобод – мурзы, уздени, окочане, новокрещены – часто ездили в Дагестан или в Кабарду, отвозили туда письма, вели переговоры, собирали сведения о ситуации не только на Кавказе, но и в Крыму или в Персии.

В то же время город Терки и его слободы не были полностью изолированы друг от друга. Связи между их жителями поддерживались, что показывают отношения между воеводами и кабардинскими князьями, которые управляли слободами. В 1641 г. при расследовании деятельности воеводы Ивана Хилкова второй терский воевода Тимофей Аладьин обвинил его в том, что он был названным братом князя Муцала, а мать Муцала была его названной матерью. Накануне похода терских ратных людей в Кабарду (под командованием Аладьина) воевода Хилков и дьяк Углев ночью были в гостях у Муцала. После этого Муцал будто бы послал своих людей в Кабарду, чтобы предупредить о готовящемся походе. Но они отрицали это обвинение [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1641. Д. 2. Л. 82, 106–108; Дзамихов 2008: 565–566].

Аладьин говорил также, что воевода Хилков не только сам бывал у Муцала, но также отпускал к нему и к его матери свою жену и сноху. Однако Хилков это тоже отрицал. О себе же он говорил, что он бывал у Муцала потому, что, согласно царскому наказу, он должен был мурз почитать, и к себе призывать, и потчевать. Поэтому воевода и к Муцалу ходил, но он бывал у него не один, а только вместе с Тимофеем Аладьиным и с дьяком Углевым [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1641. Д. 2. Л. 125–126]. Воевода считал, что он только выполняет царские указания.

При необходимости жители Терского города и слобод оказывали помощь друг другу. В случае если на слободы нападали неприятели, то их население, особенно женщины и дети, прятались в городе: он был окружен деревянными и земляными стенами. Вокруг слобод был сделан только плетень для защиты, но и тот вскоре сгнил. Однако некоторые воеводы, как Ромодановский в 1638 г., опасались пускать черкес и татар в город даже в случае войны, он согласен был сделать исключение только для мурз и лучших узденей [КРО 1957: 168].

Русские люди и иноземцы проводили совместные собрания, подавали общие челобитные царю, когда речь шла о защите их интересов. В 1639 г. Муцал мурза и Татархан Арасланов вместе с головами и детьми боярскими, стрельцами и казаками, а также вместе с иноземцами – черкасами, окочанами и новокрещенами – жаловались на нападения Эндирейских жителей, на их грабежи, убийства, захват в плен [РАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1635. Д. 1. Л. 10].

В 1643 г. была подана еще одна челобитная от русских людей (голов, детей боярских и стрельцов) и иноземцев: мурз, черкас, окочан и новокрещен с жалобой на жителей Эндирея [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 66–68]. В 1645 г. жители Терского города, как русские, так и иноземцы подали еще одну челобитную. Они не хотели, чтобы вместо сына мурзы Казаналпа аманатом в Терках был его племянник. Они боялись, что в таком случае Казаналп не будет соблюдать свои клятвы и обещания не громить жителей города [Русско-Дагестанские... 1958: 167–168]. Аманаты – это был еще один способ защитить город от нападений.

В 1651 г. похожую челобитную подали царю и от русских жителей Терского города, и от «всяких иноземцов» о том, что Казаналп и Суркай посылают в аманаты своих детей «не от прямых жен». По царскому указу в Терки был послан Астраханский стрелецкий голова для расследования этих дел [Акты исторические... 1842. Л. 160–161]. Принося присягу царю, жители Кавказа обещали не нападать стрельцов и казаков, порукой этому и должны были служить аманаты.

В 1646 г. русские люди и иноземцы били челом царю на кумыков и татар, которые их грабили и брали в плен. Челобитная была подана и от имени русских жителей города и казачьих городков: священников, голов стрелецких, подьячих и толмачей, терских и гребенских атаманов и казаков и «всяких чинов» людей всего терского города, но одновременно и от князя Муцала и мурзы Алегуко, от новокрещенов и окочан [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1646. Д. 1. Л. 183]. Общие опасности объединяли русских жителей города Терки и «иноземцев».

Русские жители Терского города и «иноземцы», жившие в слободах, совместно принимали участие в военных походах. Стрельцы, и дети боярские, и мурзы, и уздени, и окочане, и новокрещены действовали одновременно. В 1641 г. кабардинского мурзу Кельмамета должны были охранять терские люди: конные стрельцы, дети боярские, а вместе с ними новокрещены и окочане. Впоследствии они приняли участие в битве на Малке [КРО 1957: 204]. В 1646 г. Муцал Черкасских ходил в донской поход. Вместе с ним были дети боярские, стрельцы, терские и гребенские казаки, и одновременно с ними – новокрещены, окочане, уздени. Подобный смешанный состав войск был обычен для XVII в [КРО 1957: 275]. В 1651 г. Сунженский острог защищали от дагестанских и персидских владельцев князь Шолох вместе со стрельцами, детьми боярскими, с казаками, а также с узденями, барагунцами, новокрещенами, окочанами, с юртовскими татарами [КРО 1957: 304–305].

На караулах у терского города также совместно стояли стрельцы и уздени. Так было и в Смутное время [Акты исторические... 1838: 22], и много позже. Так, в 1635 г. уздень Блишука стоял с русскими людьми севернее Терского города на заставе от ногайцев [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1635. Д. 1. Л. 59]. Стрельцы, казаки, уздени, окочане и новокрещены также совместно провожали послов из Терка в Грузию, и встречали на обратном пути. В 1657 г. послов из Имеретии встречали сотник приказа конных стрельцов Михаил Молчанов, а также терские казаки и новокрещены [РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1657. Д. 2. Л. 24–25].

Жители Терского города и слобод занимались не только военной службой, но и экономической деятельностью: сельским хозяйством, промыслами и торговлей. Природные условия региона, межэтнические контакты оказали серьезное влияние на их образ жизни. Причем, это относилось как к русским, так и к черкасам или окочанам. Одна из особенностей хозяйственной деятельности жителей города

заклучалась в том, что рыболовство приобрело для них большое значение. Еще в Смутное время, когда терские стрельцы и казаки долгое время не получали жалованье, они «кормились по речкам рыбенкой» [Акты исторические... 1838: 19]. И не только «по речкам», ее ловили и в Каспийском море, особенно у острова Чечень, где рыбы было много [Котов 1958: 33]. В 1650 г. люди ногайского мурзы Чопана и тарковского шамхала Суркая напали на «рыбных ловцов», которые находились на этом острове, убили 6 стрельцов, ранили 8 и 3 человека взяли в плен [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2229. Л. 3]. Стрельцы занимались также охотой и лесными промыслами. Отдельно среди жителей города в документах упоминаются «камышники» – вероятно, они охотились в покрытых зарослями берегах рек.

У большинства кабардинцев рыболовство не играло особой роли в хозяйстве, но в Терском городе дело обстояло иначе. В 1638 г. кабардинский мурза Татархан Арасланович Черкасский жаловался в своей челобитной царю на то, что его людей не пускают ловить рыбу в соседних с Терками реках (хотя ранее это было им разрешено) и просил, чтобы им было позволено ловить рыбу вместе с «городскими терскими» русскими людьми [КРО 1957: 169]. В 1645 г. кабардинский мурза Канбулат Пшимахович в своей челобитной писал о том, что посылает своих людей на рыбную ловлю на море и на реку Быструю. И за эту рыбу с них берут таможенную пошлину, а другие мурзы ее не платят. Он просил освободить его от этих сборов [КРО 1957: 258]. Еще один пример рыболовства: Олеарий со своими спутниками купил у рыбаков «из черкасских татар» несколько белуг [Олеарий 1906: 422]. Не только черкесы, но и татары, жившие в Черкесской слободе, активно занимались рыболовством. Во время проведения переписи несколько человек находились на рыбной ловле [КРО 1957: 196–197]. Развитию этой отрасли хозяйства способствовали природные условия региона.

Земледелие было важной отраслью хозяйства живших рядом с Терками «иноземцев», в том числе окочан. Об этом они сами писали в своих челобитных царю. По их словам, они смогли пережить Смутное время, когда им много лет не выплачивали жалованье, только потому, что сами землю пахали [Белокуров 1889: 555]. Если русские стрельцы Терского города говорили о рыболовстве как о способе выжить в голодное время, но не вспоминали в этой связи о земледелии, то окочане выделяли как раз земледелие. Вопрос о том, занимались ли стрельцы Терского города возделыванием зерновых, остается открытым. Убедительных доказательств этого нет.

Черкесы, как и окочане, также большое значение придавали хлебопашеству. При проведении переписи в Черкесской слободе, отмечалось, что многих хозяев (и черкесов, и окочан) нет дома, потому что они находятся «на пашне» [КРО 1957: 192–197]. Источники сообщают также о садах, которых было много рядом с Терками [Котов 1958: 33; Эвлия Челеби 1979: 128], но не совсем понятно, кому они принадлежали, и кто в них работал. Кроме того, известно, что рядом с Терским городом на Тюменке реке находились огороды [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1628. Д. 5. Л. 10].

О занятии скотоводством также свидетельствует описание Черкасской слободы, где часть хозяев, как кабардинцы, так и «татары» находились «у лошадей в отарах» или просто «в отарах» [КРО 1957: Л. 194–197]. Скотоводством занимались также и стрельцы, поскольку в Терках служили конные стрельцы [РГАДА. Ф. 115. 1641. Д. 2. Л. 132], они не могли обойтись без лошадей. Но кабардинские князья, мурзы, уздени, и окочане, и новокрещены, и татары не меньше нуждались в лошадях для своей службы, а также в пастбищах, в сенокосах. Кроме лошадей они разводили также крупный рогатый скот, овец и даже верблюдов. Скот являлся главным предметом торговли черкесов [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 68; Ф. 141. Оп. 2. 1636. Д. 2. Л. 242; КРО 1957: 304; Витсен 2010: 690].

Ремесленники в Терках упоминаются очень редко. Среди них – кузнецы, которых называют среди служилых людей города (например, конный стрелец Уланка-кузнец), а также плотники. Один кузнец жил в слободе князя Шолоха [Книги

разрядные... 1853: 1141; Белокуров 1889: 290–291; КРО 1957: 100, 160, 194; Русско-чеченские... 1997: 194]. Среди жителей той же слободы были «серебряный мастер» и «хлебник» [КРО 1957: 193, 195]. Этот последний был выходцем из Персии. Другие ремесла не упоминаются. Например, телеги, хомуты и прочую конскую упряжь надо было привозить в Терки из Астрахани. Точно так же в Терках невозможно было найти средства (паруса, скобы или смолу) для ремонта морских судов [Белокуров 1889: 292].

Совершенно новым промыслом для жителей Терка была заготовка корня марены. Посол персидского шаха, отправляясь в 1629 г. в Москву, оставил в Терском городе своего человека Талибека, который «подрядил многих государевых русских людей и черкас, и окочен копать травное коренье марену и отпустил тое марены в Кызылбаши» 4 корабля [КРО 1957: 139]. То есть занимались этим люди разного происхождения. Этот корень использовали для производства краски. Недалеко от Терского города находился Муратханов городок, где с помощью персидских мастеров изготавливали шелк и отправляли его в Москву [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 5481, 5505].

О материальной культуре терских черкесов в источниках сохранилось немного сведений. Они свидетельствуют о существовании традиционных для этого народа форм культуры. Это относится, в частности, к сплетенным из хвороста и обмазанным глиной домам, обычным для адыгов. Даже большой зал князя Муцала, в котором он вместе со своей матерью принимал гостей, тоже был построен из глины, хотя происхождение некоторых элементов его конструкции, таких как сводчатые ниши, не вполне понятно. Обычай украшать зал оружием, как у Муцала, был распространен у народов Кавказа [Олеарий 1906: 426, 518]. В 1648 г. кабардинский мурза Канбулат Пшимахович просил достроить для него «хоромишко» в Терском городе [КРО 1957: 293–294]. Возможно, что в этом доме должны были использовать какие-то особенности русской архитектуры, но точных сведений об этом нет. Мурзы Татархан и Тонжехан Араслановы тоже просили устроить им «дворишко» в Терском городе, и упоминали о том, что такие постройки делались для других мурз [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1641. Д. 1. Л. 59].

Застольный этикет, когда сыновья не могли сесть в присутствии матери, явно заимствован из черкесской культуры, но стулья, на одном из которых сидела княгиня, мать Муцала, а на других – ее гости – был результатом, скорее, русского влияния.

Такие предметы одежды как бычий пузырь на голове у вдов или войлочный плащ (бурка) или узкие штаны как часть женской одежды тоже были, видимо, примером кавказского влияния на культуру терских черкесов [Олеарий 1906: 426; Стрейс 2010: 215]. Русские заимствования проявлялись только в некоторых элементах. Самые знатные черкесы носили подаренные им в Москве предметы одежды. Муцал ходил «в дорогом русском платье, вышитом золотом и жемчугом», а у его матери был кафтан или халат, подбитый собольим мехом [Олеарий 1906: 408, 426]. Но подобные предметы одежды встречались редко.

Из кавказских традиций упоминается обычай платить выкуп за невесту, а также левират, когда брат женился на вдове своего умершего брата, обычай царапать лоб, грудь и руки во время похорон и др. Аталычество, согласно которому ребенка воспитывают приемные родители, сохранялось в слободах, и оно связывало разные народы Кавказа. Например, аталыком кабардинских князей Шолоха и Муцала Черкасских был окочанин Бикша Алеев [КРО 1957: 158, 236]. Еще одним обычаем было куначество, которое соединяло жителей Черкасской слободы и персидских купцов [КРО 1957: 253].

Кабардинцы, окочане, татары, населявшие слободы при Терском городе, были мусульманами. В Черкасской слободе была мечеть [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1642. Д. 1. Л. 229]. Но наряду с исламом у них сохранялись архаичные верования и ритуалы.

Олеарий описывает, что по случаю смерти знатного человека черкесы собирались в поле, приносили в жертву козу, насаживали ее шкуру на длинный шест. На могилах они ставили колонны или же строили дома, которые, как он пишет, были значительно лучше их домов для живых людей [Олеарий 1906: 517–519; Стрейс 2010: 216].

Торговля в Терках началась с первых лет существования города, хотя первоначально ее обороты были незначительными. Тем не менее, в город приезжали торговать жители Дагестана, Грузии, Персии [Белокуров 1906: 79, 418, 419; Веселовский 1890: 279; 1898: 633]. Торговлей занимались и жители Терок. Некоторые стрельцы или пушкари продавали «на татарском базаре» вещи «из государственной казны» (видимо, по поручению воевод). Это были кожи, меха, медная посуда, одежда и даже «рыбий зуб». Покупателями часто тоже были стрельцы, пушкари, сотники, «дети боярские», но также и «татары», торговцы из Персии («тезики») [Русско-чеченские...1997: 85, 86, 90]. Дважды в неделю в Терках проводились базарные дни [Стрейс 2010: 214].

Но торговля терских ратных людей этим не ограничивалась. Они могли закупать и сбывать товары и за пределами своего города. Терские стрельцы и пушкари ездили торговать в Дербент и даже в Шемаху [Русско-дагестанские...1959: 105, 114]. Точно так же окочане, жившие в Терском городе, ездили как в Дербент, так и в Астрахань и другие города России для торговли. Это тоже одна из особенностей Терского города, следствие его географического положения.

Торговлей занимались также жившие в Терках кабардинские князья, точнее, их люди. Согласно царским указам, Шолох и Муцал Черкасские, а также Татархан и Тонжехан Араслановы имели значительные льготы при уплате таможенных пошлин как в Терках, так и в Астрахани [КРО 1957: 142, 280–281]. В 1638 г. челобитную об ограничении торговых пошлин подали мурзы Ильдар и Кельмамет и получили согласие [КРО 1957: 172–173]. В 1651 г. Муцал Сунчалеевич просил освободить своих узденей, находившихся в Москве, от таможенных пошлин [КРО 1957: 301]. Такие же просьбы подавали и дагестанские правители и купцы: в 1627 г. это сделали кумыкский посол Томулдук и купец Фархат [Русско-дагестанские...1958: 81–82]. В 1631г. шамхал Ильдар получил право на беспошлинную продажу товаров до 600 рублей [Русско-дагестанские...1958: 92–93]. В 1635 г. посол кайтагского уцмья получил от царя право продавать свои товары в Москве беспошлинно [Русско-дагестанские...1958: 128–129]. У торговых людей, действовавших от имени мурз, бывали конфликты в Терках и в Астрахани из-за того, что они пытались провезти с собой товары на слишком большую сумму – на тысячи рублей вместо положенных трехсот и не хотели платить пошлины [КРО 1957: 280–283].

Но на Северном Кавказе существовало и немало препятствий для развития торговли. В 1622 г. русские торговые люди жаловались на шамхала, который брал с них большие пошлины, насильно отбирал лучшие товары. Если по дороге в Персию торговые суда из-за непогоды останавливались в кумыкской земле, то шамхал забирал у них налог в 10%, а его люди брали в плен терских жителей и казаков и продавали их в горы или даже убивали [Русско-дагестанские...1958: 74, 105, 114].

В свою очередь, в 1641 г. тарковский шамхал Суркай жаловался на терских людей, требовал, чтобы они перестали брать пошлины с его подданных, в противном случае он вдвое больше пошлин будет брать с жителей Терского города. Когда в 1642 г. в Черкасскую слободу приехали люди Суркая с товарами, а таможенный голова и целовальники пришли для того, чтобы их осмотреть, то им не только не дали ничего осматривать, но били их. Как писали терские воеводы, так тарковцы вели себя каждый раз в Терках [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1642. Д. 1. Л. 71–72]. Эндирейский Казаналп жаловался на то, что терский таможенный голова и целовальники брали лишние налоги с людей его, били их [РГАДА. Ф. 115.

Оп. 1. Д. 1644. Д. 5. Л. 496]. Тем не менее торговля сохранялась и видимо, даже развивалась. 1670–80 гг. появляется значительно больше, чем в предыдущее время, известий о проезде через Астрахань стрельцов, людей терских мурз, а также окочан с товарами в Терки [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 7008, 7010, 7039, 7040, 7046, 7054].

Появление Терского города, присяга царям, которую приносили жители Кавказа, создали совершенно новую политическую ситуацию в регионе. Князья, мурзы, уздени, окочане Терского города несли военную службу, получали жалованье, и должны были во всем подчиняться царским указам, а без этих указов они не могли предпринимать сколько-нибудь важные действия. Однако они не всегда дожидались царских распоряжений. В 1616 г. поехал из Терка «для добычи самовольством Сунчалей князь Янгличев». А с собою он взял сотника стрелецкого Луку Вышеславцева с конными стрельцами [Дзамихов 2008: 538]. Сунчалей командовал черкесами и окочанами, жившими при Терском городе, он должен был следить за выполнением законов и указов, но вместо этого он сам их нарушал. Впоследствии его сына Муцала неоднократно обвиняли в том, что он действует, не дожидаясь царских указов.

Другие кабардинские князья и мурзы постоянно обращались за помощью к царю и терским воеводам. В 1634 г. году мурза Кельмамет просил защитить его от князя Шолоха Сунчалеевича Черкасского, который тогда был князем над черкесами и окочанами Терского города, а также от мурз Казыевой Кабарды [КРО 1957: 152–154].

В 1634 г. мурза Кельмамет Куденекевич Черкасский подал челобитную на узденя князя Шолоха Бикшу Алеева, который говорил о том, что может его убить. Они занимали разные ступени в сословной иерархии, и после такой угрозы уздень не должен был остаться в живых. Однако в Терском городе Кельмамет ограничился подачей челобитной. Но уздень не остался безнаказанным, только ему пришлось нести ответственность уже в соответствии с другой правовой системой. Согласно царскому указу, Бикшу Алеева приказано было бить кнутом и сослать в Казань в тюрьму. Известно, что указ был выполнен [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1635. Д. 1. Л. 54]. Но спустя некоторое время уздень вернулся в Терки.

В 1643 г. Муцал Сунчалеевич в своей челобитной жаловался на Канбулата Пшимаховича. Его уздень Касбулат убил узденя Созорука, приехавшего из Кабарды в Терки. Муцал требовал, чтобы Канбулат Пшимахович явился в Терскую съезжую избу и предстал перед царскими воеводами [КРО 1957: 242]. Складывались совершенно иные, чем существовавшие ранее, способы разрешения конфликтов.

В XVII в. изменялись обычаи не только черкес или окочан, живших в городе Терки, но и русские обычаи. В 1639 г. приходили в съезжую избу Муцал и Татархан Араслановы, а также дети боярские, стрельцы, казаки и иноземцы: черкасы и окочане, и новокрещены и говорили о том, что они ездят на охоту или рыболовство, на сенные покосы или на лесные промыслы, на торговлю. В это время жители аула Эндирей нападали, грабили их, убивали и брали в плен. Терским жителям приходилось выкупать себя по 30 и по 40 рублей. В ответ на эту жалобу воеводы получили царскую грамоту, которая разрешала им делать с жителями этого аула то же, что они делали с «государевыми» людьми [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 68–69]. Русские жители города и даже царь готовы были изменять юридические нормы для того, чтобы прекратить нападения. В 1641 г. была написана общая челобитная от священников Терского города и соседнего монастыря, от стрельцов, детей боярских, казаков, и в то же время от кабардинских мурз Кельмамета и Татархана Арасланова на Эндирейских, а также на тарковских и ногайских людей. Они нападали на жителей Терки и казаков, убивали их, брали в плен, отгоняли скот. Пленных приходилось потом выкупать по сорок и по пятьдесят рублей за человека. Иногда их продавали в дальние земли, где они «пропадали безвестно». Для того чтобы прекратить подобные нападения, терские люди просили

разрешения у этих Эндирейских, тарковских и ногайских людей «по их бусурманской вере имать баранту» [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1641. Д. 1. Л. 64–65]. Баранта – один из известнейших обычаев народов Северного Кавказа. В данном случае имелось в виду, что жители Терского города должны были получить право захватывать скот своих противников, а возможно, и их самих, чтобы прекратить их нападения. Такой обычай использовали служившие в Терках кабардинские мурзы, когда речь шла об их конфликтах с жителями Кавказа [КРО 1957: 247, 254–255]. Но и русские жители города готовы были принять такой порядок для того, чтобы защитить себя от нападений своих соседей.

Терские воеводы и другие должностные лица делили жителей Терского города на две основные категории – русских людей и иноземцев. Соответственно и город делился на основную часть, где жили русские люди, и слободы, заселенные иноземцами. Среди них были черкесы, окочане, новокрещены, татары. Слободы появились почти одновременно с городом и существовали на протяжении всей его истории. Русских людей и иноземцев связывала военная служба. Многие из них (и стрельцы, и уздени, и окочане, и новокрещены) принимали участие в военных действиях. Они вместе стояли на страже вокруг города и в его окрестностях, они провожали послов в Грузию и т.д. Проживание в городе приводило к развитию общих форм хозяйства, таких как рыболовство, скотоводство, лесные промыслы, заготовка корня марены и т.п. Пребывание в рамках одной социально-политической структуры приводило к сближению их правовых норм и образа жизни.

Список источников и литературы

АИ 1838 – Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. Санкт-Петербург: В тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1838. 501 с.

АИ 1842 – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. Санкт-Петербург: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг., 1842. 539 с.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. Вып. 1.: 1578–1613. Москва: Унив. Тип., 1889. 584 с.

Веселовский 1890 – *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. Яблонский и Перотт, 1890. 453 с.

Веселовский 1898 – *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. Санкт-Петербург: Тип. Яблонский и Перотт, 1898. 731 с.

Веселовский 1911 – *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. // Общество истории и древностей российских. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Т. 3. Москва, 1911. С. 42–43.

Витсен 2010 – *Витсен Николаас.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 626–1225.

Дзамихов 2008 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: веки истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. 814 с.

КРО 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах / Ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. Т. 1. Москва: Академия наук, 1957.

Книги разрядные... 1853 – Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения. Т. 1. Санкт-Петербург: В тип. II отд-ния Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии, 1853. 1380 стб.

Конев 2014 – *Конев А.Ю.* Колониальный дискурс имперских классификаций: истории о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1 (44). С. 81–86.

Котов 1958 – *Котов Ф.* Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд-во Вост. лит., 1958. 111 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд. Академии наук, 1963. 371 с.

Олеарий 1906 – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А.С. Суворин, 1906. 528 с.

Опарина 2007 – *Опарина Т.А.* Иноземцы в России в XVI–XVII. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.;

Российский государственный архив древних актов.

Русско-дагестанские отношения 1958 – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958.

Русско-чеченские 1997 – Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. Москва: Изд. Вост. лит., 1997.

Сметный список 1989 – Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. Москва: Б.и., 1989. 181 с.

Стрейс 1935 – *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М.: Соцгиз, 1935. 415 с.

Эвлия Челеби 1979 – *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения Турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. В. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.

References

Akty Istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskiju komissieju. T. 3. [Acts of History, Collected and Published by the Archeographic Commission Vol. 3]. Sankt-Peterburg: V tip. Jekspedicii zagotovlenija gos. Bumag: 1838, 501 p. (In Russian)

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arheograficheskiju komissieju. T. 4. [Acts of History, Collected and Published by the Archeographic Commission. Vol. 4]. Sankt-Peterburg: v Tip. Jekspedicii zagotovlenija gos. Bumag: 1842, 539 p. (In Russian)

Arhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN [Archive of the St. Petersburg institute of history of RAS].

VESELOVSKIJ N.I. *Pamjatniki diplomaticheskikh i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej.* T. 1. [Monuments of diplomatic and commercial relations of Moscow Russia with Persia. VOL. 1]. Sankt-Peterburg: Tip. Jablonskij i Perott, 1890. 453 p. (In Russian)

VESELOVSKIJ N.I. *Pamjatniki diplomaticheskikh i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej.* T. 3. [Monuments of diplomatic and commercial relations of Moscow Russia with Persia. VOL. 3]. Sankt-Peterburg: Tip. Jablonskij i Perott, 1898, 731 p. (In Russian)

VESELOVSKY S.B. *Smety voennyh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg.* [Estimates of the military forces of the Moscow state 1661–1663]. IN: Obshhestvo istorii i drevnostej rossijskih. IN: Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej Rossijskih pri Moskovskom universitete. T. 3. Moscow: Moscow University, 1911. P. 42–43. (In Russian)

VITSEN NIKOLAAS. *Severnaja i Vostochnaja Tartarija, vključajushhaja oblasti, raspoložhennye v severnoj i vostochnoj chastjah Evropy i Azii* [Northern and Eastern Tartaria, including areas located in the northern and eastern parts of Europe and Asia. Vol. 2]. Amsterdam: Pegasus, 2010. T. 2. P. 626–1225. (In Russian)

DZAMIHOV K.F. *Adygi: vehi istorii* [Adygs: milestones of history]. Nal'chik: Jel'brus, 2008. 814 p.

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes] / Red. T.H. Kумыков, E.N. Kusheva. T. 1. Moskva: Akademiya nauk, 1957. 478 p. (In Russian)

Knigi razrjadnye, po oficial'nym onyh spiskam izdannye s vysochajshego soizvolenija T. 1 [Books are discharge, according to official lists published with the highest permission. Vol 1] Sankt-Peterburg: V tip. II otd-nija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1853. 1380 stb. (In Russian)

KONEV A.Ju. *Kolonial'nyj diskurs imperskih klassifikacij: istoriki o termine «inozemcy» v otnoshenii narodov Sibiri* [Colonial discourse of imperial classifications: historians about the term “foreigners” in relation to the peoples of Siberia] IN: Istoricheskie, filosofskie,

politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 6-1 (44). P. 81–86. (In Russian)

KOTOV F. *Hozhenie kupca Fedota Kotova v Persiju* [The journey of the merchant Fedot Kotov to Persia]. M., 1958: izd-vo Vost. lit.. 111p. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej: vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka*. [Peoples of the North Caucasus and their relations with Russia: the second half of the XVI – 30 years of the XVII century]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1963. 371 p. (In Russian)

OLEARIJ A. *Opisanie puteshestvija v Moskoviju i cherez Moskoviju v Persiju i obratno* [Description of travel to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. SPb.: A.S. Suvorin, 1906. 528 p. (In Russian)

OPARINA T.A. *Inozemcy v Rossii v XVI–XVII. Oчерki istoricheskoi biografii i geneologii* [Foreigners in Russia in the XVI–XVII. Essays on historical biography and genealogy]. M.: Progress-Tradicija, 2007. 384 p. (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII v. (Dokumenty i materialy) [Russian-Dagestani relations of the XVII – the first quarter of the XVIII century (Documents and materials)]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1958. 336 p. (In Russian)

Russko-chechenskije otnosheniya: Vtoraya polovina XVI–XVII v.: Sbornik dokumentov [Russian-Chechen relations: The second half of the XVI–XVII centuries: Collection of documents] / Vvyavlenie, sost., vved., komment. E.N. Kushevoj. Moskva: Izd. Vost. lit., 1997. 415 p. (In Russian)

Smetnyj spisok voennyh sil Rossii 1651 g. [Estimated list of Russian military forces in 1651]. IN: Dvorjanstvo Rossii i ego krepostnye krest'jane, XVII – pervaja polovina XVIII v. Moskva: B.i., 1989. 181 p. (In Russian)

STREJS Ja.Ja. *Tri puteshestvija* [Three journeys]. M.: Socjgiz, 1935. 415 p. (In Russian)

JEVLIIJA CHELEBI. *Kniga puteshestvija (Iz vlechenija iz sochinenija Tureckogo puteshestvennika XVII veka)* [Travel Book (Extracts from the work of the 17th century Turkish traveler)]. Perevod i kommentarii. V. 2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ja i Podon'ja. M.: Nauka, 1979. 287 p. (In Russian)

Информация об авторе

И.Х. Тхамокова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии.

Information about the authors

I.Kh. Tkhamokova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 01.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 01.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.